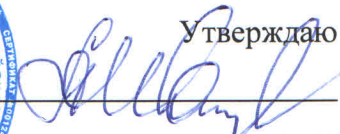

Утверждаю

Заместитель проректора по науке
Уральского федерального университета

имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,

д-р физ.-мат. наук, профессор А.О. Иванов

«24» августа 2021 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина»

на диссертацию Ильи Александровича Шипилова «Академические экспедиции XVIII
века: роль вспомогательного персонала в изучении Сибири», представленную к защите на
соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 –
Отечественная история в диссертационный совет Д 003.030.01 при ФГБУН «Институт
истории Сибирского отделения Российской академии наук».

Академические экспедиции XVIII в. без преувеличения можно считать одним из
самых грандиозных событий российской истории Нового времени. Наряду с успехами
внешней политики, чередой преобразований государственного управления, социальными
трансформациями, достижениями в области образования и искусства, экспедиции стали
ярким проявлением превращения России в одну из ведущих держав, а их результаты внесли
весомый вклад в мировое научное и культурное наследие. Колоссальный по объему и
качеству материал, собранный в ходе этих экспедиций, среди которых особое место
принадлежит Второй Камчатской и так называемым физическим экспедициям второй
половины столетия, оказал стимулирующее влияние на формирование и развитие целых
отраслей знания в естественнонаучной и гуманитарной сферах, до сих пор имеющий
неисчерпаемый потенциал для исторического исследования и осмысления. Уже в силу
этого обращение к теме академических экспедиций имеет бесспорное научное значение.

Не менее очевидной оказывается и актуальность изучения истории академических
экспедиций XVIII в. Сегодня, когда проблема определения стратегии научно-технического
развития страны, уровня организации и финансирования науки приобретают характер
одного из фундаментальных оснований конкурентоспособности России в стремительно
меняющемся мире, опыт прошедших столетий дает пример продуктивной и прозорливой
государственной политики в научной сфере; показывает, что вложения в науку являются не

жестами благотворительности или досадными тратами на содержание «непрофильных активов», а долгосрочными инвестициями, работающими на устойчивое национальное развитие.

Разумеется, исследования истории академических экспедиций, нацеленных, в первую очередь, на освоение азиатских владений империи, имеет свою обширную историографию. Тем не менее, следует подчеркнуть, что на фоне уже более двух с половиной веков неизменного интереса к проблемам «научного освоения» Сибири в XVIII в., фигуры его «титанов»: Мессершмидта, Беринга, Миллера, Гмелина, де ла Кройера, Ж.-Н. Делиля, Палласа и др. во многом заслоняли значительный вклад вспомогательного персонала академических экспедиций в исследование Сибири и функционирование системы взаимоотношений «руководитель – помощник» в реализации целей и задач этих научных проектов.

В исследовании И.А. Шипилова фактически предпринята первая (и, заметим, успешная) попытка системно реконструировать деятельность и осмыслить роль научно-вспомогательного персонала в ходе сибирских научных исследований XVIII в. И это определяет научную новизну диссертации. Собственно, даже сама четкая формулировка дефиниции «вспомогательный персонал академической экспедиции», осуществленная автором, является новаторской.

В солидной по объему историографии вклад вспомогательного персонала экспедиций не был обойдён вниманием, но оказался как бы рассеян в отдельных группах работ по региональной истории, географическому, картографическому и гидрологическому изучению Сибири, по истории этнографических исследований и публикациям этнолингвистических материалов, работах по становлению археологической науки, астрономических наблюдений, описаниях путешествий, зачастую лишь с упоминанием имён, и т.д. и т.п. В данной связи историографический раздел диссертационного сочинения И.А. Шипилова отличается исключительной полнотой и высоким аналитическим уровнем. Единственное здесь замечание заключается, пожалуй, в том, что давая характеристику научно-образовательной работы тех же Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина, начиная с несправедливо низкой её оценки М.В. Ломоносовым, обусловленной идейно-политической борьбой XVIII в., а потом «реанимированной» в общественно-политической обстановке конца 40-х – начала 50-х гг. XX столетия, автор, отмечая, что он «имеет место в научной литературе XXI в.» (с. 25–27), конкретных примеров этого не приводит.

Территориальные рамки исследования чётко обусловлены временем подготовки и осуществления избранных для изучения академических экспедиций. Хронологические рамки тоже сомнений, в общем, не вызывают. Разве что, собственно, в тексте диссертации,

с 1730-х гг., меньше уделяется внимания описанию и анализу участия вспомогательного персонала в работах на восточных склонах Урала и прилегающих территориях. Но ведь в XVIII в. Урал от Сибири обычно не отделяли. Представление о нём как об особой территории ещё только формировалось. Так, июльским распоряжением 1768 г. владелец Нижнетагильских заводов Н.А. Демидов, поручал их приказчикам оказывать всяческое содействие академику П.С. Палласу «который 13 числа сего месяца отправляется в сибирскую часть Урала и Оренбурга описывать примечания» (ГАСО. Ф. 643. Оп.1. Д. 145. Л. 32).

Источниковая база диссертации широка и разнообразна, и включает законодательно-нормативные акты, делопроизводственную документацию разных видов, в т.ч. деловую (служебную) переписку руководителей экспедиций по вопросам, касающимся вспомогательного персонала, нарративные материалы: путевые дневники и описания представителей этого персонала академических экспедиций, несколько видов картографических и изобразительные источники. Указанные источники опубликованы на русском и немецком языках, частично извлечены из фондов центральных архивов. Автор демонстрирует высокий уровень источниковедческой подготовки в выявлении, отборе и критике источников, определении их значения для достижения цели и решения задач, сформулированных в диссертации. Если что-то и побуждает нас высказать замечание по источниковедческому разделу работы, так это классификационные критерии, использованные И.А. Шипиловым. Разумеется, единой и универсальной классификации исторических источников не существует. Но, судя по всему, автор, не декларируя напрямую, ориентировался в своей работе на классификацию Л.Н. Пушкарева, как наиболее распространенную и подробную. На это, в частности, указывает оперирование И.А. Шипиловым такими таксонами, как «тип», «род», «вид», «разновидность», в совокупности присущих пушкаревской системе. Но в таком случае было бы ошибочным относить письменные, картографические и изобразительные источники к трем разным типам. Сам Л.Н. Пушкарев этого не делает (см. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по Отечественной истории. М.: Наука, 1975. С. 253–254), да и безотносительно классификации Пушкарева едва ли перечисленные совокупности можно разделять на типы, поскольку в основе понятия «тип» (как самого общего таксона источниковедческой классификации) лежит *форма/способ фиксации информации*. В этом смысле и картографические, и изобразительные источники *типологически* было бы правильнее отнести к письменным, разделив их на следующих уровнях. Надо заметить, что автор пытается предложить кое-какие собственные классификационные принципы: так, в результате, в диссертации появляются «источники смешанного рода», к которым отнесены

путевые дневники и описания (с. 11). Но обоснований критериев такого подхода явно недостаточно, хотя бы потому, что из текста не ясно, что, в таком случае, автор понимает под таксоном «род» (если есть «источники смешанного рода», то что является «эталонными» родами)? Поскольку диссертация не является источниковедческой, данные замечания не носят принципиального характера, но, думается, их надо учесть: четкость источниковедческих дефиниций прилична любому историческому исследованию. В данном же случае, наверное, лучше было ограничиться не классифицирующими определениями, а рабочей систематизацией использованных источников по группам.

Автор диссертации вполне квалифицированно и творчески подошел к изложению методологических основ своего исследования, обнаружив при этом прекрасное знание современных направлений и течений исторической науки и выбирая из их арсенала то, что реально и эффективно может служить решению поставленных в исследовании задач. Синтез принципов «интеллектуальной» истории и теории модернизации в качестве теоретической основы диссертации оправдан и хорошо обоснован. Правда, было бы корректнее говорить не о теории, а о *теориях* модернизации: во-первых, потому, что ряд из них, восходящих к «классике» 1950-х – 1970-х гг. безнадежно устарели; во-вторых, потому, что существующие сегодня демонстрируют заметную вариативность.

Структура работы представляется четкой и продуманной. Научное изучение Сибири И.А. Шипилов, на наш взгляд, вполне справедливо начинает с геодезических работ. Во-первых, они во многом послужили базой для разворачивания в дальнейшем всего комплекса исследований. Во-вторых, геодезисты в дальнейшем органически влились в состав академической экспедиций, начиная со Второй Камчатской. Они отсутствовали в экспедиции Д. Г. Мессершмидта, которую формально можно считать академической только со времени создания Академии наук, когда её находки и результаты поступили в структуры Академии и использовались в дальнейших академических исследованиях Сибири, но и он активно привлекал картографический материал.

При сравнительном рассмотрении содержания диссертации рельефно проступает совершенствование организационно-структурного обеспечения исследований, в том числе и в отношении представителей вспомогательного персонала. Если, например, Д. Г. Мессершмидт сам изготовлял чучела, то во Великой Сибирской экспедиции этим, как отмечает автор, успешно занимался студент В. Третьяков, а в «физических» экспедициях конца 60-х – начала 70-х гг., появились штатные должности таксидермистов.

Совершенно справедливым представляется выбор из всех «физических», в качестве основной для третьей главы* экспедиции П. С. Палласа, потому что она, в значительной степени, являлась весьма репрезентативной и в отношении успешной научно-

образовательной работы со вспомогательным персоналом, и, во многом, в плане результатов.

В целом же, в диссертации воссоздана развернутая и аргументированная панорама эволюции института вспомогательного научного персонала; доказана его весомая роль в становлении и развитии биологии, физической географии (включая технику картографирования), геологии, этнографии как научных дисциплин; в развитии российской науки в целом; показано важное прикладное значение деятельности этих сотрудников. Отдельной заслугой диссертанта следует считать реконструкцию педагогических методов и приемов, применяемых в рамках научно-образовательной работы научными руководителями экспедиций и отрядов с сотрудниками из числа вспомогательного персонала. Эти сюжеты, несомненно, имеют большое значение для общего исследования истории образования (в том числе с институциональной точки зрения) и педагогической мысли в России эпохи Просвещения. Наконец, большую ценность имеют тщательно воссозданные И.А. Шипиловым (насколько позволили выявленные источники) биографии сотрудников из числа вспомогательного персонала экспедиций. В целом можно говорить о просопографической составляющей диссертации, имеющей самостоятельное значение и вносящей заметный вклад в наши дальнейшие антропологически ориентированные исследования истории российской науки.

В качестве общих замечаний по содержанию можно отметить следующее.

Излишне подробным, на наш взгляд, выглядит пересказ конкретных сведений из некоторых описаний поездок вспомогательного персонала, особенно по Восточной Сибири. Больше внимание, как представляется, стоило бы уделить оценке и акцентированию вклада этих и других подобных персонажей исследования в изучение Сибири. Так, студент Третьяков, два раза названный в автореферате, столько же мимоходом упоминается в тексте диссертационного сочинения (можно привести и другие примеры). Из содержания диссертации фактически выпало, опять же обозначенное в автореферате, участие ряда представителей вспомогательного персонала (часто и не по их прямой «специальности») в создании под руководством Г.Ф. Миллера огромного, и как давно стало ясно, бесценного копийного фонда сибирских исторических архивов XVI–XVIII вв.

Не очень понятным остаётся, осуществлялось ли взаимодействие участников академических экспедиций с представителями местных структур, таких как горнозаводские власти, в составе которых тоже находились компетентные специалисты. Так, например, геодезист Ф.Н. Табберт фон Страленберг встречался, как известно, с В.Н. Татищевым и от него, вероятно, заимствовал презентованную им затем в Европе концепцию о границе Европы и Азии. А анкеты Татищева, синхронные работам академических отрядов Второй

Камчатской экспедиции, находятся в фондах академика Миллера. (В том числе, скопированные В. Третьяковым с татищеских документов).

Впрочем, все высказанные замечания не имеют принципиального характера. Диссертационное исследование И.А. Шипилова является актуальной и практически значимой работой. Оно отличается ярко выраженной научной новизной, содержит ценные выводы и наблюдения.

Автореферат соответствует тексту диссертации и заявленной научной специальности. Девятнадцать изданных работ, включая пять, опубликованных в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК, и автореферат соответствуют теме диссертационного исследования и отражают основные положения и выводы диссертации.

Представленная рукопись соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, является самостоятельным и законченным исследованием, выполненным на высоком научно-теоретическом уровне, а её автору – И.А. Шипилову – может быть присвоена искомая ученая степень кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, доцентом, профессором Д.А. Рединым и кандидатом исторических наук, доцентом, доцентом В.И. Байдиным и утвержден на заседании кафедры истории России Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; протокол № 5 от 29 июня 2021 г.

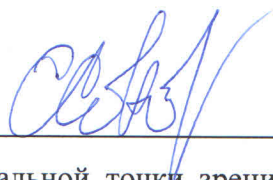
Соколов Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой истории России

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, д. № 4.

Тел.: 8(343)3502708

e-mail: srg.sokolov@gmail.com

*С формальной точки зрения не очень удачным представляется заголовок этой главы. Всё-таки 1740 г. – это последний год 30-х гг. XVIII в.